

**Д.Д. Николаев. Русская проза 1920—1930-х годов.
Авантюрная, фантастическая и историческая проза.
Мистики, фантасты, авантюристы и пр.**

Д.Д. Николаев. Русская проза 1920—1930-х годов. Авантюрная, фантастическая и историческая проза. — М.: Наука. 2006.

Именно вынесенные в заглавие категории граждан появляются на страницах монографии Д. Николаева в ипостаси писателей. И это вполне согласуется с почти утвердившимся в литературоведении мнением, что раскрытие закономерностей, создание ширококатегорических концепций, касающихся развития литературы в целом, невозможно без опоры на “сплошной” материал литературного процесса. Но все же литературоведам, которые предпочитают такое “сквозное” прочтение, приходится преодолевать сопротивление тех, кто считает, что только вершинные достижения заслуживают внимания и изучения. Собственно, поэтому мы до сих пор почти и не имеем монументальных работ, охватывающих всю литературную продукцию того или иного времени. Конечно, лакуны понемногу заполняются, обращение к творчеству писателей второго и третьего ряда происходит, но отсутствие методики изучения подобных историко-культурных феноменов нередко приводит к неумеренному возвеличиванию скромных фигур, безоговорочной смене знака “–” на знак “+”, вследствие чего нарушается историко-литературная перспектива. Работа Д.Д. Николаева восполняет существующий пробел применительно к литературному движению 20—30-х годов XX столетия (в отношении XIX века такая попытка была предпринята Н.Л. Вершининой, написавшей о беллетристике 30—40-х годов, и Н.Б. Ивановой, поднимающей в своих книгах предельно широкий пласт современной литературы). В поле зрения попало более чем сто литературных произведений. Внимательно и кропотливо, а иногда и всесторонне проанализированы книги таких разных писателей, как А. Ветлугин и И. Эренбург, А. Толстой и П. Краснов, Б. Шкловский и Ю. Тынянов, А. Беляев и Е. Зозуля, В. Ирецкий и В. Обручев! А ведь названы имена, которые на слуху, множество же других — таких, как А. Шишко, А. Иркутов, В. Веревкин, Н. Шпанов, А. Гамбаров, Т. Левицкая-Ден, В. Крыжановская-Рочестер, — известны только узким специалистам. Кстати, начатое перечисление можно продолжать и продолжать...

Привлекательной стороной работы Николаева является и восстанавливаемая “целостность” русской литературы, поскольку произведения, созданные в эмиграции и метрополии, рассматриваются здесь “на равных”, безотносительно к общественно-историческим процессам и мировоззренческим установкам авторов, которые, конечно же, не игнорируются Д. Николаевым, но оказываются менее значимыми, чем, например, жанровые требования. А это позволяет увидеть не желаемое, а вполне реальное единство русской литературы 20—30-х годов и даже обнаружить неожиданные совпадения! Так, к числу “общих векторов” автор относит сходство в развитии авантюрной прозы в метрополии и эмиграции, определяемое, на его взгляд, “общим” культурогенерирующим заданием: и здесь и там одинокого героя сменил “один из многих”, “член коллектива”.

Можно сказать, что в основу работы положен “внеэстетический”, безоценочный принцип, который должен возмутить пуристов, защитников понимания литературного произведения исключительно как эстетического феномена, хотя, как известно, эстетические критерии не остаются неизменными, а иногда и основательно подправляются с течением времени. Сам автор, правда, иногда словно пугается